

**О.В.Гаман-Голутвина, Г.В.Голосов,
П.В.Панов, А.Ю.Сунгуров, А.Ф.Филиппов**

О СОВРЕМЕННОСТИ «СОВРЕМЕННОГО СОСТОЯНИЯ ИЗУЧЕНИЯ ПОЛИТИКИ»

Круглый стол

Аннотация. Основные проблемы, поднятые в статье Ч.Мерриама «Современное состояние изучения политики», рассматриваются авторами в контексте актуальных тенденций развития политического знания в России и мире. Мерриам предложил новый взгляд на политологию как на научную дисциплину, имеющую собственные исследовательские задачи, связанные с эмпирическим изучением политического поведения людей. Подход Мерриама к определению статуса политической науки в рамках социального знания предполагал ограничение ее проблемного поля и выявление тех факторов, которые определяют происходящие на этом поле события. Мерриам подчеркивал относительность как автономии политики, так и значения оказываемых на нее воздействий.

Профессиональная организация и координация политических исследований (одна из ключевых инициатив Мерриама) в начале XXI в. сопряжены с конкуренцией иерархической и сетевой моделей взаимодействия представителей политологического сообщества. При этом нынешнее состояние дисциплины в России во многом задано спецификой ее институционализации. В отличие от США, где эволюция политической науки проходила под определяющим влиянием формализованного знания, в отечественной политической науке до сих пор не вполне изжиты подходы, присущие институционализму старомодного толка. Движение политической науки в направлении междисциплинарного синтеза, импульс которому придала научная и организаторская деятельность Мерриама, не было линейным. Нынешнюю методологическую конфигурацию дисциплины наиболее адекватно выражает концепт мультипарадигмальности, что не снимает вопроса о неконфликтных основаниях сопряжения методологий.

Ключевые слова: Чарльз Мерриам, бихевиористский подход, междисциплинарность, количественные методы, публичная политика, политологическое сообщество, политическая экспертиза

О.В.Гаман-Голутвина
О СОВРЕМЕННОМ ЗВУЧАНИИ
КЛАССИКИ ПОЛИТОЛОГИИ

Оксана Викторовна Гаман-Голутвина — доктор политических наук, член-корреспондент РАН, зав. кафедрой сравнительной политологии МГИМО(У) МИД России, профессор-исследователь Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», президент Российской ассоциации политической науки. Для связи с автором: ogaman@mail.ru.

Публикация работы Чарльза Мерриам в русском переводе предоставляет содержательный повод не только обсудить ее роль в развитии мировой политологической мысли, но также спроецировать ряд идей этой статьи на состояние современной отечественной политической науки. Собственно, значение той или иной работы определяется ее востребованностью в современном контексте. Обращает на себя внимание тот факт, что ряд поставленных Мерриамом проблем не утратил своей актуальности применительно к российской политологии и сегодня. Это не случайно, ибо институционализацию американской и российской политической науки разделяет немало десятилетий: Американская ассоциация политической науки (APSA) была создана в 1903 г., аналогичная отечественная структура — в 1955 г., причем задолго до официального конституирования политической науки, состоявшегося только в 1988 г. Столь необычный алгоритм эволюции сам по себе симптоматичен. Полноценное функционирование отечественной ассоциации политической науки в качестве драйвера развития дисциплины пришлось на последнее тридцатилетие. И хотя в течение этих 30 лет российской политологии удалось совершить почти невероятное — за краткий период (причем в экстремальных условиях — не благодаря обстоятельствам, а вопреки им) осуществить прорыв, который занял в США почти столетие, болезни ускоренного роста — «издержки акселерации» — ошутимо дают о себе знать. К их числу можно отнести и устойчивость преимущественно умозрительного профиля отечественной политологии. Но, будучи спутницей становления политологии, данная характеристика устойчива еще и потому, что она органична исторической традиции отечественной социально-политической мысли, которая развивалась как прежде всего теоретическая. Собственно, в этом нет ничего удивительного — полет свободной мысли не обязательно привязан к прозе измерений, тогда как строгая наука невозможна без верифицируемых эмпирических исследований, составляющих ее доказательную базу. Мерриам со всей определенностью сформулировал проблему сбора и обработки материала в качестве вызова для американской политической науки 1920-х годов, заметно

остававшей тогда от других направлений «в гонке за современное оснащение, обеспечивающее быстрый, всеобъемлющий и систематический сбор и анализ интересующих ее фактов». В моем понимании, решение этой проблемы осознавалось автором как критерий обретения политическим знанием статуса подлинно научного.

С тех пор американская политическая наука достигла настолько впечатляющего прогресса в этом отношении, что в 1994 г. известный французский исследователь Маттеи Доган констатировал тенденцию «сверхквантификации» в западной политической науке, имея в виду прежде всего американскую ее ветвь¹: успехи в техническом оснащении и обработке данных не всегда сопровождалась должной по глубине их интерпретацией. Суждение Догана не было единичным — практически одновременно с ним Дэвид Кольер привлек внимание сообщества к необходимости большего баланса техники и концептуальности². Не случайно именно тогда была предпринята первая значимая попытка достичь их сбалансированного синтеза³.

О нерешенности этой задачи свидетельствует то, что она и позднее попадала в повестку дня американской политической науки. В частности, речь идет о возникшем в США в начале XXI в. движении «перестройки»⁴, которое подвергло критике мейнстрим американской политической науки именно за его «технологизацию». Стержневой идеей стал протест против чрезмерной увлеченности формализованными подходами (в частности, теорией рационального выбора и теорией игр) в ущерб неинституциональным аспектам дисциплины. Адепты «перестройки» ратовали за расширение палитры методов и указывали на набирающую силу тенденцию «искать ключи не там, где они потеряны, а там, где светлее», вследствие ориентации не на социально востребованные задачи, а на те, что в наибольшей степени обеспечены данными⁵.

В России после официального признания дисциплины в конце 1980-х годов применение эмпирического компонента политической рефлексии было изначально заимствовано из социологии. Эта траектория соответствовала той, по которой ранее двигались США: в рамках Чикагской школы достижения эмпирической социологии были интегрированы в политическую науку, точнее, эти две области развивались практически параллельно, обогащая друг друга (хотя социология все же опережала — и в плане теории, и в эмпирике). Что касается собственно политологических методов, отличных от социологических, то их освоение и применение стартовали в России в начале 1990-х годов. К сегодняшнему дню эмпирические исследования стали неотъемлемой составляющей изучения политики, однако эта область нуждается в развитии. В повестке — расширение компетенций, повышение качества сбора данных и глубины их интерпретации. В любом случае избыточное использование формальных методов для отечественной политологии не характерно — напротив, в ряде субдисциплин остро стоит проблема слабого владения сложными методами анализа, и ликвидация этого пробела остается насущной задачей.

¹ Dogan 1994: 37.

² Collier 1993.

³ King, Keohane, and Verba 1994.

⁴ Monroe 2005; Schram and Caterino 2006. См. также Gaman-Goluvina 2018.

⁵ Stoker, Peters, and Pierre 2015: 10.

Исходя из замечания Гегеля о том, что генезис предмета определяет его сущность, очевидно, что и в США, и в России нынешнее состояние дисциплины задали траектории ее институционализации. С точки зрения государственной конфигурации Россия на протяжении нескольких веков существовала в формате идеократии, поэтому пространство *политического* оставалось на подозрении у властей. Соответственно, любая деятельность, содержащая в себе данное прилагательное, находилась в фокусе пристального внимания и контроля, что мало способствовало прогрессу политического знания. После снятия идеологических ограничений в начале 1990-х годов пришла другая беда — фатальную роль сыграл кризис науки как социального института в условиях радикальных экономических реформ, что на этапе становления политической науки, когда она так нуждалась в ресурсах, не могло не затормозить этот процесс.

В свою очередь, утверждение преимущественно эмпирического профиля современной американской политической науки было детерминировано специфическими мотивами построения ее идентичности. Ключевую роль сыграло то, что APSA возникла в лоне Американской исторической ассоциации благодаря усилиям энтузиастов новой науки, стремившихся зафиксировать особость собственной дисциплины. Это определило их решительные шаги по максимальному отдалению от исторического профиля. Во-первых, политологи поместили в фокус своих изысканий *современность*, сознательно разорвав связь с традицией историософии. Во-вторых, акцент был сделан на изучении преимущественно *формально-юридических аспектов политики*. В-третьих, в противовес характерной для европейской социологии, философии и истории теоретической ориентации оригинальная идентичность новой дисциплины строилась как *антитеза теории*. Политологи США изначально стремились к специализации, что и определило профиль американской политической науки⁶. На протяжении всего XX в. ее эволюция проходила под знаком решающего значения формализованного знания — не случайно в штате департаментов политологии состояли (и отчасти состоят до сих пор) статистики и математики. А методология политической науки в США и сегодня трактуется как формализованное учение о методах, хотя различия между техническими методами и методологией очевидны: первые оперируют данными, вторая опирается на теорию. Перечисленные факторы обусловили слабость исторических, теоретико-методологических и философских оснований новой науки⁷. Однако ее неоспоримым преимуществом была и остается эпистемологическая эффективность в плане эмпирических изысканий.

И еще один сюжет заслуживает упоминания в связи с публикацией работы Мерриам — о востребованности, возможностях и перспективах междисциплинарности. В статье едва ли не центральное место занимает тезис о том, что «перекрестное опыление политики с... современными методами изыскания и исследования не может не пойти ей

⁶ Подробнее об истории политической науки в США см. Munck and Snyder 2007.

⁷ Подробнее см. Гаман-Голутвина 2019.

на пользу». Среди выделяемых Мерриамом областей знания, особенно значимых для политической науки, — социология, социальная психология, география, этнология, биология и психобиология, физиология, психоаналитика. Такие характеристики современного политического процесса, как разнокачественность, переходность, неустойчивость, предполагают не только преодоление жестких эвристических схем, но также выход за дисциплинарные границы, и перечисленные дисциплины сегодня вносят очевидный вклад в осмысление политического поведения, как индивидуального, так и агрегированного.

Вместе с тем при всем прогрессе, достигнутом американской политологией в интеграции некоторых из упомянутых направлений в предметное поле политической науки, формат междисциплинарности трудно назвать совершенным — как минимум потому, что в данном отношении едва ли возможна безальтернативная навигация, ибо междисциплинарные подходы нередко используются *ad hoc* и востребованы тогда и там, где источники возникновения и драйверы эволюции изучаемых явлений и процессов имеют разнокачественную природу, а динамика эволюции детерминирована множеством факторов различного генеза. Нынешнюю методологическую конфигурацию дисциплины выражает концепт мультипарадигмальности, что не снимает вопроса о неконфликтных основаниях сопряжения методологий.

Вряд ли Мерриам мог предположить, насколько актуально будет звучать эта его идея спустя 100 лет применительно к российской политической науке, в которой до сих пор не вполне изжиты линейные представления институционализма старомодного толка и в чью повестку лишь относительно недавно вошло синергетическое понимание политики. Между тем, если XX век порой определяли как век атома и кибернетики, то начало XXI столетия обоснованно называют эпохой цифровых и медико-биологических технологий. Пандемия — и не только она — ясно продемонстрировала возможности использования таких технологий и в сфере политики. И здесь уместна отсылка к еще одной идее Мерриама — о роли манипуляций, вследствие использования которых «в разгар расовой, религиозной или классово-политической теории легко становится пешкой или иной разменной фигурой в игре за продвижение военных, денежных либо иных групповых преимуществ».

Таким образом, публикация работы Мерриама точно не является пополнением «лавки древностей», а способствует очевидному прояснению ряда значимых проблем современной политической науки.

Г.В.Голосов

ЧАРЛЬЗ МЕРРИАМ КАК КЛАССИК

Григорий Васильевич Голосов — доктор политических наук, профессор, декан факультета политических наук Европейского университета в Санкт-Петербурге. Для связи с автором: ggolosov@gmail.com.

Чарльза Мерриама часто называют отцом бихевиористской революции. Сегодня может показаться, что это громкое имя не вытекает из содержания статьи «Современное состояние изучения политики». Ее итоговые рекомендации довольно скромные: использовать новые техники сбора и обработки данных, ориентироваться на практическое применение научных результатов, а также изучать политическое поведение людей с применением систематических методов наблюдения, в частности тех, которые к тому времени уже были выработаны в других социальных науках. Но всмотримся в условия, в которых прозвучали эти идеи.

В начале 20-х годов прошлого века политическая наука была почти исключительно учебной дисциплиной. Литература, оставшаяся нам от той эпохи, представлена в основном учебниками. Центральными темами этой литературы были, с одной стороны, философские представления о природе государства и гражданского общества, с другой — выдержанные в духе сравнительного государственного и конституционного права описания государственных институтов. Исследовательская работа политолога сводилась к тому, чтобы, освоив большой объем философских и юридических трудов, свести их содержание к такому общему знаменателю, который был бы полезен для гражданского воспитания студенчества.

Статья Мерриама содержала совершенно иное видение профессии. Он приписывал политической науке собственные исследовательские задачи, связанные с эмпирическим изучением политического поведения людей. Хотя само слово «поведение» в статье даже не упоминается, речь именно об этом. Мерриам не идет дальше краткого очерка тех методов, которые он рекомендует для решения данных задач. Но это и не важно. Важна смена целевых установок науки, и именно в этом смысле идеи Мерриама действительно были революционными.

В течение двух последующих десятилетий призывы Мерриама реализовывались на практике лишь им самим и небольшой группой его коллег и учеников, а развитие политической науки шло по старой колее. Однако после Второй мировой войны, в совершенно новом историческом контексте, бихевиористская революция действительно победила. Старая политическая наука, умозрительная и институционалистская по своему основному содержанию, ушла в прошлое. Мысль о том, что политические институты могут иметь какое-то самостоятельное значение, стала восприниматься как признак архаичности мышления, и даже

понятие «институты» как таковое было отеснено на задний план в конструктах вроде «политической системы» Дэвида Истона.

Когда в 1968 г. Истон объявил о конце бихевиористской эры и начале постбихевиористской революции, он имел в виду лишь то, что инициированное Мерриамом движение одержало полную и окончательную победу. Основные методологические вопросы, по мысли Истона, решены, исследовательские техники разработаны, и дело лишь за тем, чтобы правильно применять этот инструментарий к решению насущных вопросов политической жизни. Но, как это часто бывает, победа бихевиоризма не только сделала пафос по его поводу излишним, но и открыла путь к тому, что я назвал бы институционалистской контрреволюцией, хотя можно использовать и более конвенциональное понятие «неоинституционализм».

С одной стороны, это наметившееся в начале 1970-х годов и полностью победившее уже к следующему десятилетию движение было связано с возрождением интереса к фундаментальным вопросам политики в рамках теории рационального выбора, которую ее создатели не случайно называли «позитивной политической теорией». С другой стороны, произошло неожиданное для современников оживление интереса к политическим институтам, которые на пике бихевиористской революции пребывали в полном забвении, прежде всего к формальному институциональному дизайну и избирательным системам. Основная повестка дня политической науки вернулась к той проблематике, с доминированием которой Мерриам хотел покончить.

Инициировав бихевиористскую революцию, Мерриам, как и всякий реформатор, заложил основу для того, чтобы в дальнейшем многие из его идей изжили себя, сменились чем-то новым. Ведь не изживает себя только то, что мертво изначально. Однако, вернувшись к своей первоначальной проблематике, политическая наука стала осваивать ее по-новому, и происходит это именно в соответствии с рекомендациями Мерриама. Современные научные журналы наполняются статьями, которые Мерриам, полагаю, нашел бы вполне соответствующими его идеалам социально-научного исследования. Эти работы основаны на твердых данных из широкого круга стран, они применяют самые передовые методы статистического анализа и сфокусированы не на устройстве институтов, а на том, как это устройство влияет на человеческое поведение и обуславливает его.

Вот почему столетие статьи Мерриама заслуживает того, чтобы его отметить, а самого Мерриама мы по праву считаем классиком политической науки, хотя ссылаться на его статьи ныне имеет смысл лишь историкам. Мерриам не изрек вечных истин ни по одному из вопросов политики. Таких классиков у политической науки нет, и это к лучшему. Но он задал правильный курс, который во многом определил современную профессиональную идентичность дисциплины — не конкретные шаги, а основное направление движения.

П.В.Панов

СОВРЕМЕНЕН ЛИ МЕРРИАМ?

Петр Вячеславович Панов — доктор политических наук, профессор Пермского университета, главный научный сотрудник Пермского федерального исследовательского центра Уральского отделения РАН. Для связи с автором: panov.petr@gmail.com.

Статья «Современное состояние изучения политики» написана 100 лет назад. Но, наверное, никто бы не удивился, если бы этот текст был написан вчера, потому что качество данных, междисциплинарность, востребованность политической науки в практической политике — все эти вопросы обсуждаются и сейчас. Означает ли это, что политическая наука стоит на месте? Наверное, нет, за 100 лет в плане методологии исследований сделан большой шаг вперед. Или те сюжеты, которые обсуждает Мерриам, — это «вечные вопросы»? Может быть, но сам Мерриам явно так не считал. Напротив, у него есть вполне определенный рецепт для решения поставленных проблем — профессиональная координация и организация политических исследований.

Эта идея проходит красной нитью через всю статью и кажется весьма заманчивой, хотя и несколько расплывчатой. О какой именно организации идет речь? В узком смысле слова организация — это группа людей, преследующих определенные цели, для достижения которых их длительность координируется «руководящим центром». «Центр» устанавливает правила, контролирует их исполнение и т.д. Иными словами, организация предполагает моноцентричность, иерархию, субординацию.

Если Мерриам имел в виду такую организацию, как будут решаться поставленные в статье вопросы? Возьмем, к примеру, проблему сбора, систематизации, унификации и т.д. данных для политических исследований (обозначу для краткости все это вместе как проблему данных), которую Мерриам описал удивительно точно. Что должна сделать организация для ее решения? Определить перечень данных, которые будут систематически собираться, создать унифицированную систему их обработки и хранения, сформулировать правила доступа к ним и т.п.

Строго говоря, в наши дни это в значительной мере уже сделано, правда, не профессиональными организациями, а, как правило, государственными органами. Так, в России есть информационные системы ЦИК, Государственной Думы, Роскомстата, Минюста, Роскомнадзора и т.д. и т.п. То есть данные, необходимые для исследований, собираются, систематизируются, унифицируются, да и доступ к ним предоставляется. Жаловаться можно лишь на то, что делается это неудобно для исследователей. Да, если речь идет о кросснациональных исследованиях, то однотипные данные в информационных системах разных стран представлены очень по-разному, с разной степенью полноты, в разных форматах и т.п.

Конечно, очень хочется унификации и «комфорта». Гипотетически, наверное, можно было бы обязать все страны собирать, хранить, предоставлять, например, электоральную статистику по одной схеме и, следуя идее Мерриам, возложить эту функцию на национальные профессиональные ассоциации, которые будут работать под контролем международной — скажем, той же IPSA (которой не было во времена Мерриам).

Решит ли это проблему? В какой-то мере, возможно, да, но профессиональная организация — это тоже организация, со всеми вытекающими (побочными) последствиями. «Руководящий центр» этой организации установит правила и процедуры работы с данными, а правила имеют дистрибутивный эффект. Даже если допустить, что авторы этих правил будут руководствоваться исключительно публичным благом (то есть интересами профессионального сообщества), само это благо может пониматься по-разному. Сколь бы широким ни был установленный перечень подлежащих сбору данных, в любом случае для каких-то исследований он окажется недостаточным. И каким бы удобным ни был введенный формат хранения данных и доступа к ним, он будет удобен для одного исследователя и неудобен для другого. Между тем в действительности авторы правил будут, разумеется, преследовать еще и частные интересы, так что побочные последствия могут быть достаточно серьезными.

Правда, возможна и другая линия размышлений на эту тему. Можно предположить, что Мерриам понимал организацию не как моноцентричную иерархию, а шире — как некую упорядоченность взаимодействий. В этом смысле и общество в целом, и профессиональное сообщество могут быть организованы не иерархически, а на иных основаниях. Так, довольно популярной альтернативой иерархии в последние десятилетия стали сетевые взаимодействия. Исследовательские сети, которые активно развиваются и в политической науке, неплохо зарекомендовали себя как способ работы с данными. Даже в рамках одной страны разные исследовательские команды объединяют свои усилия, обмениваясь собранными данными. Еще более актуально сетевое взаимодействие в кросснациональных исследованиях. В какой-то мере это решает проблему данных, поскольку созданные в результате реализации сетевых проектов датасеты и базы данных, как правило, выкладываются в открытый доступ. Однако в каждом проекте свои правила работы, унификации данных не получается, и соединить несколько датасетов в один, чтобы провести новое исследование, зачастую весьма затруднительно, а порой и невозможно. Тем не менее, на мой вкус, сетевая кооперация предпочтительнее иерархической организации. Это вовсе не означает, что она лучше решает проблему данных, но она, по крайней мере, позволяет избежать побочных последствий моноцентричной иерархии.

Какую организацию имел в виду Мерриам? На самом деле это не столь важно. Важнее то, что он поднимает значимые вопросы, и его размышления звучат пугающе современно. Но... в то же время совсем не современно. Потому что за прошедшие 100 лет политическая наука прошла большой путь, в том числе с точки зрения развития различных

форм координации исследовательских усилий. И этот опыт позволяет относиться к идее кооперации и организации политических исследований более сдержанно и расчетливо.

А.Ю.Сунгуров

**О РАЗВИТИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ
И ИЗУЧЕНИИ ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКИ:
СПУСТЯ СТО ЛЕТ ПОСЛЕ СТАТЬИ Ч.МЕРРИАМА**

Александр Юрьевич Сунгуров — доктор политических наук, профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург). Для связи с автором: asungurov@mail.ru.

Читая сегодня статью Чарльза Мерриاما и соотнося ее с развитием относительно молодой политической науки в России (реально — 30 лет), невольно поражаешься ее определенной актуальности для нашей ситуации. И хотя для наиболее продвинутой части российских политологов применение количественных методов, опирающихся на статистические данные, стало уже вполне естественным делом, в статьях многих дипломированных и остепененных специалистов в области политической науки часто отсутствуют исследования как таковые, которые подменяются более или менее аргументированными «рассуждениями на избранную тему». Если же иметь в виду именно исследователей мира политического, то для реализации поставленных в обсуждаемой статье задач не хватает системной работы по получению количественных данных, которые можно было бы анализировать с помощью разнообразных статистических методов. И эта проблема отсутствия баз данных, информационных массивов особенно актуальна для городского уровня политической жизни, о котором, собственно, и пишет Мерриам, опираясь на свой опыт члена городского совета Чикаго и кандидата на пост мэра города.

Учитывая это обстоятельство, а также тот факт, что существенная часть городской политики связана с принятием политико-управленческих решений, мы осознаем, что автор обсуждаемой статьи в первую очередь говорит о той области политического, которую сегодня принято называть публичной политикой (public policy). Ее изучение в современной России получило достаточно серьезное развитие, в том числе и благодаря публикациям в журнале «Полития»⁸. При этом делается акцент на самом процессе принятия политико-управленческих решений — от привлечения к актуальным проблемам города или региона внимания их обитателей, сначала общественности, а затем и власти, до подготовки

⁸ См., напр. Красин 2004; Публичная 2012.

соответствующих решений с учетом мнений стейкхолдеров, а также их коалиций. Отсюда такой интерес к деятельности разнообразных медиа-торов, посредников между основными участниками публичной политики — «фабрик мысли» и центров публичной политики⁹, общественных палат и общественно-консультативных советов разного уровня¹⁰, института уполномоченных по правам человека¹¹.

⁹ *Беляева и Зайцев 2008.*

¹⁰ *Тарасенко 2010.*

¹¹ *Нездюров и Сунгуров 2018.*

И здесь чрезвычайно актуальной является та часть статьи Мерриама, в которой он пишет о важности экспертного обеспечения процессов публичной политики, об активной роли экспертного сообщества как в выявлении общественных проблем, так и в выработке и продвижении их возможных решений. Эта сторона деятельности политологов, которую по аналогии с «публичной социологией» Майкла Буравого можно было бы назвать «публичной политологией», пока еще не получила у нас должного развития, что связано как со слабым интересом к подобным инициативам в среде управленцев городского и регионального уровней, так и с узостью потенциальных источников финансирования (и опасениями получить статус «иностранный агент») ¹².

¹² *Подробнее см. Сунгуров 2020.*

В заключение коснусь еще одного направления, заслуживающего внимание политологов, — психологических аспектов деятельности субъектов политики различного уровня. Именно здесь обозначены перспективы бихевиористской революции в политической науке, с таким успехом реализованной позднее молодыми представителями Чикагской школы. Как известно, после взлета бихевиоризма наступил период господства неоинституциональной парадигмы, который продолжается и сегодня (и который весьма тесно связан с так называемым экономическим империализмом). Отражением такой ситуации стало постепенное исчезновение из бакалаврских программ по политологии не только психологии, но и политической психологии, что представляется мне печальным и неразумным. Остается надеяться, что новое прочтение программного текста Мерриама будет способствовать росту понимания среди отечественных политологов необходимости анализа и психологических сторон мира политического.

А.Ф.Филиппов

О ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКЕ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

Александр Фридрихович Филиппов — доктор социологических наук, профессор, руководитель Центра фундаментальной социологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Для связи с автором: afilippov@hse.ru.

Обсуждение научного текста спустя 100 лет после его публикации обычно кажется сравнительно необременительным предприятием. Наука не стоит на месте, и уже одно это словно бы позволяет смотреть на старые результаты как на устаревшие с точки зрения прогресса познания. Иначе обстоит дело с текстами, которые были написаны как программные и помнятся как основополагающие. Речь тогда идет уже не о том, насколько адекватен нынешнему пониманию существа дела тот или иной содержательный тезис, а о характере самой программы. Программа отдельной политической науки представляет в данном случае особый интерес, поскольку исходит от искушенного знатока политической мысли. Ко времени написания обсуждаемой статьи Мерриам был автором ряда серьезных работ по европейской и американской политической философии или, как он говорил, политической теории. Таким образом, политическая наука должна была и далее формироваться не в отрыве, не через отрицание, но в продолжение и совершенствование большой традиции. Недостатки предшественников Мерриам оценивает с позиций ученого: современная психология больше знает о человеке, чем Томас Гоббс и Адам Смит; построения Суареса, Пуфендорфа, Вольфа и др. были бы хороши, не будь они схоластически бесплодны и непригодны для живого действия, и т.д.

К этим аргументам стоит присмотреться повнимательнее. Мерриам хвалит Аристотеля и несколько раз заводит речь о политической пруденции, благоразумии. Задача ученых — не просто наблюдать за политикой, изучать ее, как исследуют любой другой объект, но обеспечивать «прочную фактическую основу» и давать советы тем, кто организует политическую жизнь. Тонкий момент здесь состоит, конечно, в том, что рассуждения о природе политического блага не относятся, строго говоря, к области науки. Это не суждения о факте, но это и не то, что могло бы оставаться исключительно делом политической пруденции. Это вопросы более высокого порядка и традиционно обсуждаются в философии, которой только что был брошен упрек в схоластическом бесплодии. Наилучшим образом и сообразно высшим критериям своей эпохи научную работу, базирующуюся на фактическом материале, соединял с рассуждениями о природе блага, конечно, Аристотель. Однако тот путь развития, который предлагает политической науке Мерриам, ни в коей мере не ведет назад к Аристотелю, но скорее уводит от него. Соединение науки и пруденции, практической политической мудрости, выглядит как соединение двух техник и оставляет за скобками вопрос о теории.

Мерриам считает необходимым учитывать больше данных разных наук — не полагаться на них исключительно, но именно принимать в расчет. Действительно, эффективная техника преумножения знания требует ограничения проблемного поля и выявления тех факторов, которые определяют происходящие на этом поле события. Для политической науки Мерриам намечает тот же ход, который другие современные ему ученые предлагали для иных дисциплин. Самостоятельная,

отдельная политическая наука обосновывается как автономная область знания, поскольку и политика представляет собой нечто особое — автономную область совместной жизни людей, которая, с одной стороны, обладает собственной природой, а с другой — испытывает влияния психологических, социальных, экономических и прочих факторов. Поэтому политическому ученому, например, нельзя ни полностью уповать на статистику, ни пренебрегать ею, ни исключать воздействие на политику социальных и экономических факторов, ни превращать ее в поле проявления экономических и социальных сил. Эта позиция даже в ретроспективе выглядит одновременно решительной и сбалансированной, продуктивной именно в силу удаленности от крайностей. И все-таки в некотором высшем смысле она неверна.

То молчаливое допущение, на котором она основана, состоит в представлении, достаточно широко распространенном в те годы, о прогрессе знания через автономизацию отдельных предметных областей. Социологи боролись с психологизмом, географическим детерминизмом и «экономическим материализмом», доказывая, что социальное, как говорил Эмиль Дюркгейм, должно объясняться через социальное. Стремление найти собственную природу политики привело Карла Шмитта к тому, чтобы указать на «специфически политическое» различие друга и врага. Перечисление примеров можно было бы продолжить. Мерриам не полностью разделяет этот пафос эпохи, поскольку подчеркивает относительность как автономии политики, так и значения оказываемых на нее воздействий. На фоне радикального антипсихологизма того же Макса Вебера, не говоря уже о политической теологии Шмитта, это выглядит, возможно, более взвешенным подходом, а в сравнении (которое здесь напрашивается словно само собой) с исследовательской программой Чикагской школы социологии кажется еще одним проявлением того научного стиля, который делал возможной научную продуктивность, не отягощенную континентальным радикализмом. Однако вопрос можно поставить и по-другому. И умеренное, прагматически взвешенное выделение политики в предметную область политической науки, и отказ от схоластической (в худшем смысле) политической философии минувших эпох, и приоритет пруденции, то есть снова отказ от мудрости в старом смысле слова, от теории, — все это может не только быть полезно для своей страны и эпохи, но и работать на перспективу. Но при одном условии: если само состояние политической жизни останется на некотором фундаментальном уровне тем же самым, как оставалась, в понимании Мерриама, демократической жизнь Америки, несмотря на все усиливающееся имущественное неравенство. Чтобы предвидеть радикальные переломы или хотя бы быстро и адекватно реагировать на них, бывает (то есть и была, и будет) нужна политическая дисциплина совсем другого рода, как ни странно, сочетающая в себе именно то, от чего пытался освободить политическую науку Мерриам.

Библиография

- Беляева Н.Ю. и Д.Г.Зайцев. (2008) «„Фабрики мысли“ и центры публичной политики как субъекты экспертного обеспечения политики» // *Полития*, № 4: 139—151. URL: http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia_Belyaeva_Zaycev-2008-4.pdf (проверено 29.01.2021).
- Гаман-Голутвина О.В. (2019) «Преодолевая методологические различия: споры о познании политики в эпоху неопределенности» // *Полит. Политические исследования*, № 5: 19—42.
- Красин Ю.А. (2004) «Публичная сфера и публичная политика в российском измерении» // *Полития*, № 3: 5—23. URL: <http://politeia.ru/files/articles/rus/2004-3-5-23.pdf> (проверено 29.01.2021).
- Нездюров А.Л. и А.Ю.Сунгуров. (2018) «Права человека в России: общественные дискуссии и институт государственного правозащитника» // *Мир России*, т. 27, № 3: 61—81.
- «Публичная политика в России: кто и как ее формирует? (Седьмые Губернаторские чтения. Тюмень, 7 февраля 2012 г.)». (2012) // *Полития*, № 1: 165—186. URL: http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia_VIshcheniya-2012-1.pdf (проверено 29.01.2021).
- Сунгуров А.Ю. (2020) *Экспертные сообщества и власть*. М.: Политическая энциклопедия.
- Тарасенко А.В. (2010) «Деятельность общественных палат в регионах России: эффективность vs фиктивность» // *Полития*, № 1: 80—88. URL: http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia_Tarasenko-2010-1.pdf (проверено 29.01.2021).
- Collier D. (1993) «The Comparative Method» // Finifter A.W., ed. *Political Science: The State of the Discipline II*. Washington: American Political Science Association: 105—119.
- Dogan M. (1994) «Use and Misuse of Statistics in Comparative Research» // Dogan M. and A.Kazansigil, eds. *Comparing Nations*. Oxford: Blackwell: 35—71.
- Gaman-Golutvina O. (2018) «Political Elites in the USA under George W. Bush and Barack Obama: Structure and International Politics» // *Historical Social Research*, vol. 43, no. 4: 141—163.
- King G., R.Keohane, and S.Verba. (1994) *Designing Social Inquiry: Scientific Inference in Qualitative Research*. Princeton: Princeton University Press.
- Monroe K.R., ed. (2005) *Perestroika! The Raucous Rebellion in Political Science*. New Haven: Yale University Press.
- Munck G. and R.Snyder. (2007) *Passion, Craft, and Method in Comparative Politics*. Baltimore: Johns Hopkins University Press.
- Schram S. and D.Caterino, eds. (2006) *Making Political Science Matter*. New York: New York University Press.
- Stoker G., B.G.Peters, and J.Pierre, eds. (2015) *The Relevance of Political Science*. New York: Palgrave and Macmillan.

политика

**O.V.Gaman-Golutvina, G.V.Golosov,
P.V.Panov, A.Yu.Sungurov, A.F.Filippov**

ON THE RELEVANCE OF THE PRESENT STATE OF THE STUDY OF POLITICS

ROUND TABLE

Oksana V. Gaman-Golutvina — Doctor of Political Science; Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences; Head of the Department of Comparative Politics at Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia; Research Professor at the HSE University; President of the Russian Association of Political Science. Email: ogaman@mail.ru.

Grigorii V. Golosov — Doctor of Political Science; Professor; Dean of the Department of Political Science, European University at St Petersburg. Email: ggolosov@gmail.com.

Petr V. Panov — Doctor of Political Science; Professor at Perm State University; Chief Researcher at the Perm Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Email: panov.petr@gmail.com.

Alexander Yu. Sungurov — Doctor of Political Science; Professor at the HSE University (St Petersburg). Email: asungurov@mail.ru.

Alexander F. Filippov — Doctor of Sociology; Professor; Head of the Center for Fundamental Sociology, HSE University. Email: afilippov@hse.ru.

Abstract. The authors view the main issues raised in Charles Merriam's article *The Present State of the Study of Politics* in the context of the current trends in the development of political knowledge in Russia and worldwide. Merriam proposed a new view of Political Science as a scientific discipline with its own research goals related to the empirical study of the political behavior of people. Merriam's approach to determining the status of Political Science within the framework of social knowledge assumed delineating its own problem field and identifying those factors that determine events taking place in this field. Merriam emphasized the relativity of both the autonomy of politics and the significance of the impacts that are exerted upon politics.

Professional organization and coordination of political studies (one of Merriam's key initiatives) at the beginning of the 21st century are associated with the competition between hierarchical and network models of interaction between representatives of the Political Science community. Moreover, the

current state of discipline in Russia is largely determined by the specifics of its institutionalization. Unlike the United States, where the evolution of Political Science took place under the decisive influence of formalized knowledge, the Russian Political Science is still influenced by some of the approaches inherent in the old-fashioned institutionalism. The movement of Political Science in the direction of interdisciplinary synthesis, which received its impetus from the scientific and organizational activities of Merriam, was not linear. The current methodological configuration of the discipline is most adequately expressed in the concept of “multiparadigmality”, which does not solve the problem of bringing together conflicting methodologies.

Keywords: Charles Merriam, behavioral approach, interdisciplinarity, quantitative methods, public policy, Political Science community, political expertise

References

- Belyaeva N.Yu. and D.G.Zaytsev. (2008) “„Fabriki mysli“ i tsenry publichnoj politiki kak sub’ekty ekspertnogo obespechenija politiki” [“Think Tanks” and Public Policy Centers as Subjects of Expert Support of Politics] // *Politeia*, no. 4: 139–151. URL: http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia_Belyaeva_Zaycev-2008-4.pdf (accessed on 29.01.2021). (In Russ.)
- Collier D. (1993) “The Comparative Method” // Finifter A.W., ed. *Political Science: The State of the Discipline II*. Washington: American Political Science Association: 105–119.
- Dogan M. (1994) “Use and Misuse of Statistics in Comparative Research” // Dogan M. and A.Kazansgil, eds. *Comparing Nations*. Oxford: Blackwell: 35–71.
- Gaman-Golutvina O. (2018) “Political Elites in the USA under George W. Bush and Barack Obama: Structure and International Politics” // *Historical Social Research*, vol. 43, no. 4: 141–163.
- Gaman-Golutvina O.V. (2019) “Preodolevaja metodologicheskie razlichija: spory o poznanii politiki v epokhu neopredelennosti” [Overcoming Methodological Differences: The Debate about Knowledge Politics in an Age of Uncertainty] // *Polis. Politicheskie issledovanija* [Polis. Political Studies], no. 5: 19–42. (In Russ.)
- King G., R.Keohane, and S.Verba. (1994) *Designing Social Inquiry: Scientific Inference in Qualitative Research*. Princeton: Princeton University Press.
- Krasin Yu.A. (2004) “Publichnaja sfera i publichnaja politika v rossijskom izmerenii” [Public Sphere and Public Policy in the Russian Dimension] // *Politeia*, no. 3: 5–23. URL: <http://politeia.ru/files/articles/rus/2004-3-5-23.pdf> (accessed on 29.01.2021). (In Russ.)
- Monroe K.R., ed. (2005) *Perestroika! The Raucous Rebellion in Political Science*. New Haven: Yale University Press.
- Munck G. and R.Snyder. (2007) *Passion, Craft, and Method in Comparative Politics*. Baltimore: Johns Hopkins University Press.

Nezdyurov A.L. and A.Yu.Sungurov. (2018) “Prava cheloveka v Rossii: obshchestvennyye diskussii i institut gosudarstvennogo pravozashchitnika” [Human Rights in Russia: Public Discussions and the Institution of the Ombudsman] // *Mir Rossij* [Universe of Russia], vol. 27, no. 3: 61—81. (In Russ.)

“Publichnaja politika v Rossii: kto i kak ee formiruet? (Sed'mye Gubernatorskie chteniya. Tjumen', 7 fevralja 2012 g.)” [Public Policy in Russia: Who Forms It and How? (Seventh Gubernatorial Readings. Tyumen, February 7, 2012)]. (2012) // *Politeia*, no. 1: 165—186. URL: http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia_VIIchteniya-2012-1.pdf (accessed on 29.01.2021). (In Russ.)

Schram S. and D.Caterino, eds. (2006) *Making Political Science Matter*. New York: New York University Press.

Stoker G., B.G.Peters, and J.Pierre, eds. (2015) *The Relevance of Political Science*. New York: Palgrave and Macmillan.

Sungurov A.Yu. (2020) *Ekspertnye soobshchestva i vlast'* [Expert Communities and Power]. Moscow: Politicheskaja entsiklopedija. (In Russ.)

Tarasenko A.V. (2010) “Dejatel'nost' obshchestvennykh palat v regionakh Rossii: effektivnost' vs. fiktivnost'” [Public Chambers' Activity in the Russian Regions: Efficiency vs. Fabulousness] // *Politeia*, no. 1: 80—88. URL: http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia_Tarasenko-2010-1.pdf (accessed on 29.01.2021). (In Russ.)